

У ПОРТРЕТА

Графа Михаила Николаевича Муравьева.

Докладъ, читанный 8 Ноября 1913 г. въ гор. Вильнѣ въ Русскомъ Общественномъ Собраніи въ день празднованія 50-лѣтія со дня прибытія въ Вильну.

Сѣверо-Западный край, мирно живущій и процвѣтающій на общее благо нашего отечества, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ объятъ пламенемъ мятежа. Безъ всякаго сомнѣнія, мятежъ не былъ явленіемъ случайнымъ, не былъ вспышкой страстей, возникшихъ мгновенно. Само собою разумѣется, мятежу предшествовала подготовительная работа. Онъ явился средствомъ для достиженія вполнѣ опредѣленной цѣли.—возстановленія Польскаго Королевства.

Найти поддержку и сочувствіе въ Западной Европѣ, мысль о возстановленіи Польскаго Королевства начала осуществляться путемъ возникновенія тайныхъ обществъ, раскинувшихся сѣтью по всему широкому пространству Привислинскихъ губерній и Сѣверо-Западнаго Края. Постепенно развиваясь, скрытое неудовольствіе переходитъ въ открытое недоброжелательство къ Русскому правительству.

Съ 1857 года по всему краю начались выступленія, 1) въ видѣ различнаго рода противоправительственныхъ проявленій, 2) произнесенія въ костелахъ рѣчей, возбуждающихъ народъ къ вооруженному возстанію, обѣщая ему многія земельныя льготы, 3) оскорбленія войскъ и Русскихъ должностныхъ лицъ. Однако, не смотря на это, мѣстное начальство оставалось въ бездѣйствіи,—не принимало почти никакихъ мѣръ къ прекращенію беспорядковъ, никакъ не ожидая рѣшительныхъ дѣйствій со стороны возставшихъ. Не только не было обращено должнаго вниманія на то, что масса должностей въ край была занята чиновниками-поляками, сочувствовавшими движенію, а иногда и принимавшими въ немъ участіе, но край оставался беззащитнымъ, ибо нахо-

дѣшяся въ немъ войска были въ небольшомъ количествѣ. Достаточно обратиться къ письму предсѣдателя слѣдственной комиссіи въ Динабургъ Дѣйств. Ст. Сов. Панютина, писанному имъ 6 Мая 1863 года, чтобы представить себѣ насколько было не обеспечено спокойствіе населенія. Послѣ нападенія на транспортъ съ оружіемъ, около Динабурга, сказано въ письмѣ, крѣпость легко могла быть захвачена мятежниками при той безпечности, которая отличала тогдашнее мѣстное начальство. Болѣе 3 т. пудовъ пороху находилось почти безъ всякаго караула. Былъ даже складъ пороху около кабака. Войскъ подъ руками не было, и транспортъ отбили крестьяне-раскольники, налетѣвшіе, какъ ураганъ, и тѣмъ положившіе предѣлъ замысламъ Витебскихъ мятежниковъ.

Нераспорядительность мѣстной власти, вызвавшей такое положеніе дѣла, вселяла убѣжденіе въ безнаказанности дѣйствій и въ слабости Русскаго правительства. Насколько твердо было это убѣжденіе у населенія, видно изъ того, что, когда Гр. Муравьевъ утвердилъ смертный приговоръ ксендзу Ишорѣ, и 20 Мая его вели на казнь—на Лукишскую площадь, поляки не хотѣли вѣрить, что правительство наше рѣшится на это, и самаго Ишору увѣрили въ томъ, что казнь будетъ лишь примѣрная.

Слабыя мѣры, принятыя начальствомъ, ободряли мятежниковъ, давали полный просторъ ихъ преступности и Сѣверо-Западный край, какъ жерло вулкана, клокоталъ въ теченіи всего 1862 года, и наконецъ въ Январѣ 1863 года онъ выбросилъ первые огненные камни, далеко раскатившіеся по всему пространству 6 губерній. 11 Января въ 11 ¹/₂ час. пополудни было сдѣлано первое нападеніе на жителей города Суража Бѣлостокскаго уѣзда, когда вооруженные мятежники бросились на нижнихъ чиновъ 7 роты Либаускаго полка. Это было первое военное дѣйствіе сплотившихся мятежныхъ толпъ, принявшихъ затѣмъ партизанскій образъ дѣйствій. Положеніе сдѣлалось не только серьезнымъ, но угрожающимъ. Становилось понятнымъ, что возстаніе не кончится скоро. Объ этомъ Генераль-Лейтенантъ Манюкинъ сообщалъ Генераль-Губернатору В. И. Назимову, прося доложить Государю, что необходимо сосредоточеніе войскъ въ край и на границѣ. Сообщенію этому не было предано особаго значенія, и дѣйствія войскъ были разрозненными. Мятежники же, пользуясь сочувствіемъ населенія, будучи разбиты въ одномъ мѣстѣ, собирались и строились въ другомъ, и мятежь разрастался. Когда онъ зашелъ далѣе въ глубь края и охватилъ всѣ губерніи, безпечность въ спокойное время смѣнилась горячкой въ минуты тревоги. Стала ясна необходимость въ особыхъ, рѣшительныхъ мѣрахъ, на которыя не была способна мѣстная власть.

Во главѣ надо было поставить лицо, которое сумѣло бы обуздать страсти и потушить пламя, разлившееся, какъ лѣсной пожаръ, во всея краѣ. Нуженъ былъ административной геній, человекъ одаренный выдающимся умомъ и непреклонной, желѣзной волей. Таковымъ былъ Мих. Ник. Муравьевъ, на котораго и палъ выборъ Государя Императора.

Несмотря на тяжесть положенія края и тѣ труды, которые предстояло нести въ ближайшемъ будущемъ, Мих. Ник. Муравьевъ, вѣрный своему долгу и преданный сынъ Россіи, въ трудную для нея минуту принесъ на алтарь отечества все свои силы, знаніе и опытъ.

Сознавая всю важность и отвѣтственность своего назначенія и понимая, что для успокоенія края придется прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ, Графъ М. Н. Муравьевъ запиской, получившей Высочайшее одобреніе 30 Апрѣля 1863 года, ходатайствовалъ о дарованіи ему правъ Главнокомандующаго. „Безъ полныхъ и независимыхъ правъ“, пишетъ графъ Михайлъ Николаевичъ, „я дѣйствовать съ пользой не могу и потому прошу полного довѣрія и совершенной свободы дѣйствій“. Просьба его была уважена. Гр. Муравьевъ почтенный Царскимъ довѣріемъ, былъ назначенъ начальникомъ края. Это назначеніе многими русскими людьми было встрѣчено съ радостью, и у всехъ явилась надежда на успокоеніе края.

Графъ Михайлъ Николаевичъ Муравьевъ прибылъ въ край, будучи ранѣе хорошо знакомъ съ нимъ. Еще за 30 съ лишнимъ лѣтъ до своего назначенія начальникомъ края, онъ служилъ Витебскимъ вице-губернаторомъ, а затѣмъ Могилевскимъ и Гродненскимъ. Отправляясь въ 1827 году на службу, онъ предварительно изучилъ исторію края, а долговременное пребываніе въ немъ на отвѣтственныхъ административныхъ постахъ и возстаніе 1831 г. дали ему возможность познакомиться съ населеніемъ и мѣстными условіями.

Вступая на новое служебное поприще съ такой подготовкой, Гр. Муравьевъ видѣлъ, что вся сила мятежниковъ состояла въ гражданской тайной организаціи при участіи чиновниковъ, дворянъ, и духовенства—при чемъ организація эта, обнимая весь край, была подкрѣплена терроромъ.

Мявніе это выражено въ всеподданнѣйшемъ письмѣ 3 Ноября 1863 года. Знаніе этой обстановки давало ему въ руки необходимыя средства для прекращенія мятежа, а опытъ предшествующихъ лѣтъ далъ возможность узнать народъ, къ которому пришлось примѣнять мѣры, долженствующія имѣть желаемое дѣйствіе. Во всеподданнѣйшемъ письмѣ 27 Юля 1863 года, повергая къ стопамъ Государя Императора всеподданнѣйшій адресъ дворянъ Виленской губ., Графъ Михайлъ Николаевичъ

вичъ Муравьевъ пишетъ, что „онъ не остановится продолженіемъ необходимыхъ строгихъ мѣръ преслѣдованія крамолы и мятежа, такъ какъ опытъ показалъ, что поляковъ надобно держать крѣпко и ни въ какомъ случаѣ не допускать ни малѣйшаго послабленія въ управленіи, но одними мѣрами справедливаго взысканія можно удержать ихъ стремленіе къ ниспроверженію власти“.

Вооруженный такимъ глубоко продуманнымъ взглядомъ и знаніемъ положенія дѣла Гр. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ вступилъ въ управленіе края, прибывъ въ Вильну 14 Мая 1863 года и съ этого времени началась его плодотворная дѣятельность.

Много, очень много писалось и говорилось въ свое время о Графѣ Михаилѣ Николаевичѣ, какъ о лицѣ стоящемъ во главѣ управленія 6 губерній, высказывались различныя мнѣнія въ зависимости отъ того, какъ отражалась его дѣятельность на каждомъ отдѣльномъ лицѣ. Мнѣнія эти, высказанныя почти непосредственно послѣ его пребыванія въ краѣ, часто бывали пристрастными. Теперь, когда прошло пятьдесятъ лѣтъ, наступило время обернуться назадъ и на основаніи документовъ высказать безпристрастный взглядъ, нарисовать портретъ этого великаго Русскаго дѣятеля.

Въ самомъ началѣ, останавливаясь на душевныхъ качествахъ Графа Михаила Николаевича Муравьева, приходится отмѣтить, что онъ былъ человекъ добрый и чрезвычайно отзывчивый къ нуждамъ своихъ ближнихъ. Объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ письмо Сенатора Ивана Михайловича Гедеонова къ А. В. Жиркевичу. Въ этомъ письмѣ авторъ говоритъ, что, служа помощникомъ по межевому вѣдомству, онъ хорошо зналъ Графа Михаила Николаевича. „Смѣло скажу“, читаемъ мы далѣе, „что Михаилъ Николаевичъ злымъ, холоднымъ, жестокимъ и кровожаднымъ не былъ. Напротивъ онъ былъ крайне мягкой души и чрезвычайно сердечный,—говорю это безпристрастно. Онъ близко входилъ въ положеніе подчиненныхъ и если нужно было справедливо взыскать съ кого нибудь, онъ прежде справлялся съ домашними обстоятельствами и смягчалъ наказаніе тѣмъ, что только виновный одинъ чувствовалъ тяжесть его“. Это свидѣтельство имѣетъ подтвержденіе и въ документахъ, каковымъ является письмо графа Муравьева къ Государю Императору 27 Іюля съ ходатайствомъ о помилованіи тѣхъ мятежниковъ, которые возвратились съ полнымъ раскаяніемъ. Онъ по своей добротѣ не караетъ ихъ, считая раскаяніе заблудившихся достаточнымъ залогомъ ихъ вѣрности. Затѣмъ спустя 20 лѣтъ послѣ усмиренія мятежа, когда чувство злобы къ Графу Михаилу Николаевичу уже угасло, бывший чиновникъ для порученій Бутковскій, въ Парижѣ встрѣчался съ поляками и они от-

давали справедливость мудрымъ распоряженіямъ Гр. Муравьева, говоря, что изъ всѣхъ правителей западнаго края онъ наименѣе дѣлалъ имъ зла. Наконецъ если остановиться на тѣхъ смертныхъ приговорахъ, которые подписалъ графъ Муравьевъ, то слѣдуетъ обратиться къ цифрамъ. Взявъ дѣло Муравьевскаго Музея № 25 за 1163 годъ, въ отдѣлѣ „Аудиторская часть“ найдемъ свѣдѣнія, что всего рассмотрѣно о гражданскихъ лицахъ 6181 дѣло. изъ коихъ окончились приговорами къ смертной казни лишь 287. Если принять во вниманіе, что въ это число вошли приговоры надъ насильниками, такъ называемыми „жандармами-вѣшателами“ и „кинжальщиками“, присланными главарями возстанія для террора, то ни о кровожадности, ни о жестокости начальника края не можетъ быть рѣчи. Тѣмъ болѣе не надо забывать ту ужасную обстановку и тѣ насилія, которымъ подтверждались вѣрные долги граждане, не исключая и православнаго духовенства.

Но и при данныхъ обстоятельствахъ, по свидѣтельству Войта, при подписаніи смертныхъ приговоровъ, прежде чѣмъ скрѣпить ихъ, графъ Михаилъ Николаевичъ становился на колѣни и молился. Ясно, что тяжело было ему исполнять свой служебный долгъ. Но ради долга онъ не позволялъ своему доброму сердцу брать верхъ надъ разумомъ.

Призванный при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, онъ долженъ былъ твердо стоять на стражѣ закона и ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ него, требуя точнаго и быстрого исполненія всѣхъ своихъ распоряженій. Графъ Муравьевъ видѣлъ необходимость проявленія власти. Она была попорана и должна быть восстановлена. Независимо отъ признанія необходимости твердой власти въ краѣ имъ управляемымъ, настойчивость и требовательность были одной изъ характерныхъ чертъ его натуры. Каждое слово его предписаній по различнымъ отраслямъ управленія дышетъ рѣшимостью и вселяетъ сознаніе о невозможности ослушанія. Бутковскій говоритъ, что по прибытіи Михаила Николаевича всякій чувствовалъ силу его воли, былъ убѣжденъ, что такъ и будетъ, какъ онъ говоритъ и всякій самъ проникался желаніемъ ему содѣйствовать. Такъ это было въ дѣйствительности и иначе быть не могло. Заглянемъ въ даваемые Гр. Муравьевымъ предписанія: напримѣръ Начальнику Виленской губерніи 12 Юля 1863 г. за № 4121 по поводу порядка дѣйствій повѣрочныхъ комиссій, гдѣ онъ предлагаетъ озаботиться „скорѣйшимъ“ пополненіемъ личнаго состава, или, замѣтивъ отступленіе отъ распоряженій, 5 Сентября того же года № 7724 пишетъ словами не требующими возраженій: „принять рѣшительныя мѣры къ точному исполненію моихъ предписаній“. Видно, что Графъ Муравьевъ не отступалъ отъ разъ принятыхъ имъ рѣшеній. Какъ на особенно яркій примѣръ можно указать на его переписку съ

Гродненскимъ Губернаторомъ Графомъ Бобринскимъ, ходатайствующимъ за помѣщиковъ по вопросу объ уплатѣ ими процентовъ по займамъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Михаилъ Николаевичъ въ послѣднемъ письмѣ къ Графу Бобринскому говоритъ слѣдующими словами: „Кромѣ того, что мы оба обязаны исполнить распоряженіе Высшаго Правительства, я не могу согласиться съ Вашимъ мнѣніемъ. Какъ ни прискорбно, я лишень возможности ходатайствовать и потому прошу немедленно провести мѣру въ исполненіе“. Что оставалось дѣлать подчиненнымъ? Лишь исполнять и слѣдить за точнымъ исполненіемъ младшими.

Благодаря этому, механизмъ управленія сталъ на вѣрный путь. Всѣ должностныя лица почувствовали за собою опору, а обыватели губерній получили полное довѣріе къ Правительственной Власти. Довѣріе это было внушено еще тѣмъ, что требованія графа Муравьева, отвѣчая духу времени, были справедливы. Онъ не допускалъ несправедливости даже со стороны тѣхъ, къ кому былъ расположенъ. Считая сельское населеніе единственнымъ элементомъ, преданнымъ Правительству и видя только въ немъ основаніе къ прочному владычеству, онъ находилъ необходимымъ, для будущаго упрочненія въ Сѣверо-Западномъ краѣ русской народности, принять рѣшительныя мѣры къ ослабленію вліянія на крестьянъ польскихъ помѣщиковъ. Въ этомъ направленіи и были проведены его реформы. Однако онъ не допускалъ, чтобы помѣщики незаслуженно терпѣли ущербъ. Въ предписаніи 17 Августа 1863 г. № 7104 по поводу жалобъ крестьянъ на отобраніе у нихъ помѣщиками земель, начальникъ края требуетъ отъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій постановленія рѣшеній, не допускающая какихъ либо притязаній крестьянъ, не подкрѣпленныхъ несомнѣнными доводами, которые подтверждали бы дѣйствительность владѣнія. Но чувство справедливости не мѣшало ему проводить самыя крайнія мѣры противъ помѣщиковъ и католическаго духовенства, причемъ онъ самъ зналъ и писалъ 23 Августа въ письмѣ къ Валуеву, что въ обыкновенное, не столь смутное время, мѣры эти не могли бы имѣть примѣненія, не возбудивъ неудовольствія, но при существовавшихъ въ то время условіяхъ они были возможны и даже необходимы: „Послѣдовавшія отъ меня распоряженія“, пишетъ Графъ Муравьевъ, „вызванныя крайней необходимостью, имѣли цѣлью, какъ устройство быта сельскаго населенія, такъ и отнятіе на будущее время у революціи средствъ пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ“.

Признавая всю силу въ крестьянскомъ населеніи, которое было разорено, естественно нужно было его обезпечить и устроить для будущаго спокойствія края. Графъ Муравьевъ предвидѣлъ, что силою ору-

жя можно лишь потушить пожаръ, но нужно было на пепелищѣ воздвигнуть прочное зданіе государственнаго единства имперіи, фундаментомъ для котораго служило благосостояніе крестьянской массы, способной къ труду и обеспеченной необходимымъ количествомъ земли. И если онъ замѣчалъ неудовольствіе со стороны землевладѣльцевъ, то не смущался имъ, будучи убѣжденъ, что это неудовольствіе временное, которое при болѣе хладнокровномъ обсужденіи дѣла и его результатовъ, уступить мѣсто чувству справедливости, такъ какъ только при подобномъ образѣ дѣйствій можетъ быть въ будущемъ обеспечена собственность и личность каждаго „благонадежнаго“, какъ онъ писалъ Валуеву, владѣльца. Что-же касается „неблагонадежныхъ“—принимавшихъ непосредственное участіе въ мятежъ, то о нихъ заботиться не приходилось и имѣнія ихъ отбирались.

Проводя послѣдовательно всѣ мѣропріятія съ глубоко и всесторонне продуманной цѣлью Михаилъ Николаевичъ не хотѣлъ брать на себя всю заслугу успокоенія края. Этотъ великанъ мысли и дѣла раздѣлялъ ее между своими сотрудниками. „Мятежъ подавленъ, конечно, не одной силой оружія“, пишетъ онъ Митрополиту Іосифу 30 Апрѣля 1865 года, „но моральнымъ и матеріальнымъ содѣйствіемъ Русскихъ дѣятелей и православнаго духовенства“. И уже оставивъ Вильну, онъ не считаетъ дѣло законченнымъ. „Уповаю, что при усердномъ трудѣ русскихъ дѣятелей“, говоритъ Графъ, „посѣянный плодъ воздастъ столицею во славу нашего отечества“.

Плодъ, посѣянный Михаиломъ Николаевичемъ, возвращенъ на русской почвѣ, полить русскими слезами и кровью. Искони русский Сѣверо-Западный край былъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и историческихъ причинъ, подъ владычествомъ иноземцевъ, но по ходу событій вновь присоединенъ къ Россіи, какъ ея нераздѣльное цѣлое.

Въ 1831 году и особенно послѣ 1856 года Россіи пришлось пережить тяжелое испытаніе въ Крымской войнѣ и это обстоятельство было поводомъ возникновенія идеи объ отдѣленіи цѣлаго края отъ его территоріи. Наступилъ 1863 годъ столь памятный въ исторіи края. Явился Графъ Муравьевъ, чуткій къ историческимъ судьбамъ своего отечества, который позналъ, что въ противоположность предшествующимъ событіямъ, наступилъ другой историческій моментъ, когда должно быть на вѣки восстановлено въ Сѣверо-Западномъ краѣ русское владычество.

Воспользовавшись этимъ моментомъ, онъ предпринялъ рядъ реформъ, приводящихъ къ такому результату. Ему, конечно, мало было прекращенія мятежа, который онъ остановилъ при помощи войскъ,

получающихъ соответствующія обстоятельствомъ распоряженія для совмѣстныхъ дѣйствій, съ цѣлью истребленія мятежническихъ бандъ. Графъ Муравьевъ коснулся всѣхъ сторонъ жизни края, проводи въ немъ исключительно русскія начала. Воспользовавшись историческимъ моментомъ, графъ Муравьевъ предпринялъ цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ къ восстановленію русской народности. Съ этою цѣлью онъ вызвалъ Русскихъ людей къ занятію различныхъ должностей и заселенію края. Онъ обратилъ вниманіе на распространенія Русскаго языка, какъ связывающаго звена съ центромъ, требуя въ школахъ преподаванія на Русскомъ языкѣ и открывая новыя народныя школы. Обратилъ вниманіе даже на театръ, куда стали пріѣзжать русскіе артисты, что имѣло огромное воспитательное значеніе.

Утихъ мятежъ и вмѣстѣ съ этимъ наступило время распространенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ Русскихъ идей, закрѣпившихъ его со всей Россіей.

Вновь, какъ было встарь, край слышалъ свою родную рѣчь и спокойно вздохнулъ вмѣстѣ съ остальной Россіей.

Въ то же время наступилъ благопріятный историческій моментъ для поддержанія и вѣры Православной, попранной польско-католической пропагандой... Не прошелъ моментъ этотъ незамѣченнымъ Гр. Муравьевымъ. Обративъ свое вниманіе на улучшеніе положенія православнаго духовенства, онъ восстанавливаетъ православныя храмы и закрываетъ польскіе монастыри, пользуясь тѣмъ, что они принимали участіе въ мятежѣ. Въ его время въ одной Минской губ., какъ это видно изъ вѣдомости церковнаго строительства, было закончено постройкой и начато вновь 115 церковно-строительныхъ работъ по смѣтѣ на сумму 554,146 руб. 23 коп. 9-го Ноября 1864 года Литовской духовной Консисторіей былъ данъ указъ объ учрежденіи въ Вильнѣ женскаго монастыря имени Равноапостольной Маріи Магдалины. Въ Вильнѣ-же графъ Муравьевъ поручилъ профессору Резанову и Академику Чагину установить новый иконостасъ Николаевскаго Кафедральнаго Собора, а самый храмъ привести въ тотъ величественный видъ, который онъ имѣетъ въ настоящее время. По его же распоряженію 24-го Января 1865 года восстановленъ древнѣйшій храмъ—Пречистенскій Соборъ, построенный въ 1349 году великимъ Княземъ Ольгердомъ, но отнятый отъ православныхъ въ 1609 году. Въ храмѣ этомъ въ 1800 году было прекращено богослуженіе и онъ обращенъ въ хлѣбный магазинъ, а затѣмъ служилъ анатомическимъ театромъ Виленскаго Университета, по закрытіи котораго находилась тутъ кузница. Тогда-же были возобновлены древняя Пятницкая церковь и Николаевская во имя перенесенія мощей Св. Николая Чудотворца съ

часовней во имя Архистратига Михаила. Помимо того были сооружены въ городѣ часовни. Но не только въ Вильнѣ были возстановлены и построены храмы, а также и въ другихъ губерніяхъ края и всюду сталъ слышенъ колокольный звонъ, призывающій православный народъ воздать благодарственную молитву Богу за того, чьей доброй, но властной справедливой рукою построены эти храмы. И теперь, какъ говорить всѣми почитаемый извѣстный поборникъ Православія Генераль Евгений Васильевичъ Богдановичъ „красуются свѣтлые дома Божія и вѣщаютъ неумолчно малиновые звоны колоколовъ ихъ, что отторженное возвращено и не отторгнется уже никогда“. Прошло пятьдесятъ лѣтъ и мы спокойно живемъ и трудимся на пользу нашего отечества въ этомъ, когда-то объятomъ пламенемъ мятежа краѣ лишь благодаря славной дѣятельности Графа Муравьева, давшей жизнь, счастье и спокойствіе миллионамъ Русскаго народа. Имя Графа Муравьева всегда будетъ славно въ далекомъ потомствѣ въ предѣлахъ всего Россійскаго Государства.

Пусть сегодняшнее торжество будетъ продолженіемъ того пути, на который указалъ Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, а свѣтлый образъ его красующійся теперь на стѣнахъ Русскаго Общественнаго Собранія пусть служитъ знакомъ глубокой признательности благодарнаго его потомства.

Алянчиковъ.

